

Споры Раздумья Реплики

И СНОВА О ГОЛУБОМ ЭКРАНЕ

Георгий ГУЛИА

Все говорят, что телевидение — искусство будущего. Однако не только будущего, но уже и сегодняшнего дня. Эти слова ко многому обязывают. И первым делом — к широкому государственному подходу к проблеме телевидения. Тут необходимо действовать сразу в нескольких направлениях: обновление — самое решительное! — технического оснащения студии, широкая финансовая основа и подготовка высококвалифицированных кадров. Не решать эти вопросы, а только болтать о специфике телевидения и его исторических корнях и будущим — значит ничего не делать.

ли телевидению своя драматургия. Да, такая драматургия нужна.

И наконец еще один вопрос: иной раз кажется, что наше телевидение специально для детей младшего возраста предназначено. Почему бы после девяти или десяти вечера не обратиться специально к взрослому населению: это может быть и беседа врача или педагога, косметички или поварики, это может быть постановка мюзик-холла и какие-то фарсы (старинные и современные). Одним словом, надо подумать над тем, какую бы пищу дать уму и сердцу взрослого населения...

ЕГО ОБЪЯСНЕНИЯ

Было бы слишком самонадеянно полагать, что каждое мое слово, обращенное к другу, было неотразимо верно. Как известно, легко требовать, сложнее — удовлетворять требования, запросы. В этом мы оба были согласны, как и в том, что телевидение нуждается в доброй критике и максимальном учете этой критики. Телевидение нуждается в перестройке.

Несомненно, многие недостатки проистекают от робости телеработников, оттого, что еще недостаточно доверия оказывается зрителю. Но есть причины и «объективные».

Начать с того, что, как это ни странно, техника московской студии уступает технике и возможностям более молодых, провинциальных студий. Что, например, очень трудно обеспечить нормальный репетиционный период для телестановок: нет площадок, не хватает аппаратуры, людей.

Недостает так называемых трактовых репетиций, то есть артисты лишены возможности в полную силу подготовиться к телепередаче. Почему? Опять же мало помещений. А раз мало, — уменьшается количество репетиций. Неужели так трудно покончить с этим большим недостатком? Разве мы мало строим?

Об аппаратуре. Она на Московском телевидении просто-напросто устарела. Все, как известно, стареет, если не обновляется. А на телестудии давно не видели новейшей аппаратуры. Много говорится и о непосредственности при общении с телезрителем. Но где же та «скрытая» аппаратура, которая помогает достижению этой самой непосредственности? Ведь до сих пор говорящему приходится глядеть в блестящее стеклышко объектива. Какая уж тут непосредственность?

Конечно же, телевидению нужна и собственная драматургия. Но где ее взять? И кто ее должен делать? Очевидно, первоклассные драматурги, писатели первой величины требуют и финансовых затрат. А финансовая сторона дела, скажем прямо, никак не обеспечивается. Здесь царят ужасная кустарщина, крохоборство, скупость, происходящие от бедности телестудии. Не будем закрывать глаза и обманывать друг друга: без соответствующей финансовой основы никакой теледраматургии не будет. Это относится и к проблеме привлечения крупных режиссерских сил.

том, возможно, — высокую. Сколько таких среди зрителей? И не счастье! Не только в городе, но и в деревне. С годами таких будет еще больше — подавляющее большинство!

Он возвращается домой усталый. Не меньше утомилась жена. А разве дети были бабками? Целый день набирались они знаний. Слушали много полезного. Кстати, и они неплохо осведомлены о различных событиях в мире. Такова ситуация в миллионах советских семей.

И тут, по-моему, надо четко решить следующую дилемму: либо телевидение является продолжением нашей рабочей обстановки, только в иной форме, либо оно доставляет зрителю какие-то духовные радости, которых мы не могли получить в течение дня? Не знаю, может, это уже и не дилемма, а давно решенная проблема? Не спорю. Только я хочу откровенно сказать, на каком месте передачи мы выключили телевизор: по первой программе демонстрировали прогрессивные методы обработки металлов резанием, а по второй — новое в работе подмосковного кирпичного завода. Только сумасшедший может отрицать важность этих проблем для народного хозяйства. Однако вот в чем дело: если я специалист, токарь или строитель, едва ли мне дадут что-нибудь эти четвертьчасовые передачи, и еще меньше дадут, если я вовсе не специалист. Разве не проще было включить наиболее яркие кадры из вышеуказанных, весьма растянутых, рассчитанных скорее всего на дилетантов передач в тележурнал о новостях науки или техники?

Я знаю, как важны и огромны воспитательные задачи, стоящие перед телевидением. Особенно сегодня, после июньского Пленума ЦК КПСС. Да надо сказать, что и наш телезритель любит хорошие передачи на общественные и политические темы, с большим интересом смотрит их. Таких передач должно быть все больше.

Однако воспитательная задача телевидения — и сегодня я хочу обратить внимание именно на эту сторону дела — не должна пониматься в одном, плоскостном решении.

По-моему, на телевидении нередко забывают о второй ипостаси: об отдыхе. Точнее, отдыхе, совмещенном с большой воспитательной работой телевидения. Ведь отдых я вовсе не понимаю как отрешение от всего, как сладостный сон.

Я уже слышу возражения работников телевидения: дескать, это не совсем так. А футбольные матчи, а фильмы, а концерты? Разве это не отдых?

Верно, отдых. Футбольные матчи? Это хорошо. А фильмы? Даже как-то неудобно говорить о них. Они обычно стародавние и слишком часто слабые. Разве могут заинтересовать они требовательного телезрителя? Что касается концертов — они бывают разные. Если человек может выбирать, на какой бы сходить концерт, то здесь, у телевизора, дорожка заказана...

Вот еще...

На телевидении должен действовать один закон: все новости передавать непосредственно с места «происшествия», как это делалось во время прибытия в Москву наших космонавтов; выступающие на телеэкране лица должны быть людьми интересными сами по себе: известные общественные деятели, известные представители ученого и артистического мира, известные писатели и так далее. (Кстати, я бы больше давал писателей, читающих свои произведения, — мне кажется, что это было бы очень любопытно для телезрителя. И не скопом, за круглым столом, а в отдельности.)

Если говорить о телестановках, — они должны быть в первую очередь интересными и значительными. И неважно, сделаны они специально для телевидения или для театра. Хотя не может быть спора о том, нужна

ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

У меня есть друг. Я люблю его. За талант. За энергию. За преданность своему делу. И дело его люблю. Это сравнительно новое дело, но, как говорится, перспективное. Даже сказал бы так: весьма и весьма перспективное. Короче говоря, мой друг работает на Центральном телевидении. Он часто хвастает тем, что многие передачи Москвы смотрят миллионы зрителей. («Где и когда существовал такой театр?», «Кто и когда мог мечтать о такой обширной аудитории?», «Недалек тот день, когда зрительным залом станет весь мир» и так далее).

Однажды мы пили с ним чай. У меня дома. Чай — не чета ресторанному. Собственной заварки. Не хуже, если не лучше, чаев времен Гиляровского. А в углу, значит, — я бы сказал, в красном углу, — светился «голубой экран». Техника — отличная. Не притереться. И звук, и изображение, и размер экрана — все, как говорится, на месте. Техника, без преувеличения, на грани фантастики. Пей чай и смотри передачу. По первой или по второй программе. Стоит только ручку повернуть. Как по щучьему велению.

И все-таки за вечер мы несколько раз включали и выключали телевизор. В конце концов махнули рукой и экран погасили. Из голубого он сделался обычным — серым.

Мой друг ни разу не схватил меня за руку. Не остановил. Не попросил дать ему досмотреть передачу. Он, казалось, свободно вздохнул, когда полированный ящик с новейшей аппаратурой внутри мирно остывал в углу.

И вот тогда-то я накинудся на друга. Высказал ему все, что думаю о телевидении. Он не только слушал. Он спорил. Он доказывал. Огрывался. Спор принял довольно бурный характер. Это не был академический, полный внутренней логики спор, с экскурсами в область театра и кино, с анализом кино-теле-и просто драматургии. Он, скорее, разворачивался импульсивно.

Но это был странный спор. В самом главном, в самом основном мы были полностью и, что называется, до конца солидарны.

А именно: смотреть телепередачи, говоря откровенно, слишком часто бывает скучно и неинтересно. Это ли не горький упрек в адрес искусства телевидения, упрек со стороны двух страстных поклонников этого «искусства будущего»?

Правда, мы не проводили референдума среди телезрителей, не опрашивали теоретиков, не анализировали творчество Шекспира в телепреломлении, не касались первых шагов советского кино. И пьес Софокла тоже. Просто выключали, когда не нравилось. Не знаю, достаточно ли теоретически обосновано подобное действие? Во всяком случае, мы поступали именно так, а не иначе.

Ничего мне хотелось бы передать существо нашего спора. И пусть тогда читатель решает сам: кто прав? А может быть, правы мы оба?

МОИ АРГУМЕНТЫ

Возьмем рядового телезрителя. Утром он уходит на работу, где занимается полезным для народа трудом. Он встречается ежедневно со многими людьми. Узнает много интересного. До работы — прочитывает газеты, слушает последние известия по радио. Это человек, как и многие, многие его соотечественники, информированный. Знает, что происходит в мире. Осведомлен о том, что делается в нашей стране. В свое время окончил среднюю школу, по-

Императорский вечер, 1963, 500г.